

УДК 81-22

Е. Ю. Литвиненко, А. А. Коренева

**АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ДИГЛОССИИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

5

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

им. М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

Поступила в редакцию 26.11.2024 г.

Принята к публикации 25.05.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-3-1

Для цитирования: Литвиненко Е. Ю., Коренева А. А. Английский язык в контексте диглоссии в современном мире // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. № 3. С. 5 – 14. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-3-1.

Рассматривается трансформация понятия диглоссии с момента его введения Ч. Фергюсоном для обозначения стабильной языковой ситуации до осмысления явления полиглоссии, характерной для многих стран в современном мире. Отмечено, что переключение языкового кода между Н-вариантом и L-вариантом может происходить в любом социальном домене, наиболее значимыми из которых являются семья, религия, образование и работа. Основой для анализа диглоссии послужила теория, разработанная Ч. Фергюсоном и развитая в работах его последователей, таких как Дж. Фишман, Дж. Холмс, Д. Детердинг, К. Майерс-Скоттон, А. Пакир и др. Показаны взаимоотношения между диглоссией и билингвизмом, проявляющиеся в таких языковых ситуациях, как наличие диглоссии и билингвизма, билингвизма без диглоссии, диглоссии без билингвизма, отсутствие как диглоссии, так и билингвизма. В качестве примера диглоссии в современном мире рассмотрена языковая ситуация использования английского языка в Сингапуре, где в речевой континуум сингапурского варианта английского входят базилект (как самый низкий вариант), мезолект и вариант Н – небританский акролект, существенно отличающийся от стандартного английского языка, что создает определенные лингвокультурные и социокультурные проблемы в сингапурском обществе. Изучение диглоссии актуально при подготовке специалистов для работы в тех странах, где диглоссная (полиглоссная) ситуация влияет на установление межкультурного диалога и экономических деловых контактов.

Ключевые слова: диглоссия, полиглоссия, L-вариант, Н-вариант, социальный домен, языковые функции, билингвизм, переключение кода, формальные контексты, неформальные контексты, языковая ситуация

Впервые дискуссионное обсуждение денотативного понятия диглоссии встречается в труде Карла Крumbахера «Das Problem der neugriechischen Schriftsprache» в 1902 г. Однако терминологическое обоснование термина дано Чарльзом Фергюсоном в 1958 г. на симпозиуме по урбанизации и стандартным языкам [5, p. 58].

Ч. Фергюсон понимал под термином «диглоссия» использование различных языков в социальных обстоятельствах, вынуждающих носителей языков применять один из языков для установления адекватной коммуникации. Проанализировав ряд языков (арабский, новогреческий, швейцарско-немецкий, гаитянские, креольские языки), Фергюсон ввел два понятия (термина) — стандартный вариант языка и местный (локальный) язык, обозначив их аббревиатурами H (High) и L (Low), в которых заключена базовая характеристика диглоссии, а именно специфические функции, выполняемые данными вариантами языка в речевой деятельности [6]. Проанализировав работы Фергюсона, Н. Б. Вахтин и Е. В. Головки приходят к выводу, что диглоссия — это «относительно устойчивая ситуация, в которой помимо диалектов языка... существует очень непохожий на них стандартный, часто грамматически более сложный вариант, язык литературы, который усваивается в основном в школе и используется для большинства письменных и формальных целей, но никогда не используется для обычного разговора» [18, с. 28]. Несмотря на существование множества работ, посвященных диглоссии, ряд ученых придерживается мнения о том, что диглоссия представляет собой всего лишь один из видов билингвизма [8]. Мы склонны солидаризироваться с Е. О. Заклязьминской, которая четко разводит понятия билингвизма и диглоссии, определяя диглоссию как «устойчивую языковую ситуацию, при которой наблюдается дополнительность функции стандартного и местного вариантов языка, которые могут сохраняться в течение долгого времени» [19, с. 11].

Общепринятыми примерами диглоссии, которые приводятся во многих работах, связанных с ее изучением, выступают арабские сообщества, каждое из которых, в зависимости от локализации проживания, использует собственный разговорный вариант арабского языка, при том что в учебных заведениях (не только религиозного характера) все еще применяется классический арабский язык, рассматривающийся как H-вариант. Еще одним распространенным примером являются шведско-немецкие сообщества, где практически все дети изучают в школах стандартный немецкий язык и большинство официальных печатных изданий также издается на стандартном варианте, а в повседневном общении используется локальный шведско-немецкий диалект. Также часто упоминается тамильское сообщество, где язык учебных заведений и письменной литературы сильно отличается от разговорного варианта [3].

Следует отметить, что термин «диглоссия» используется в узком и в более широком смысле. В узком смысле диглоссия обладает по крайней мере тремя очевидными характеристиками:

— два отличающихся друг от друга варианта одного и того же языка используются в сообществе, где один из вариантов рассматривается как Н (высокий, стандартный), а другой — как L (низкий, разговорный);

— каждый из вариантов выполняет четко выработанные функции, при этом оба варианта существуют в отношениях комплементарности друг к другу;

— никто не использует Н-вариант в повседневном взаимодействии [3, p. 18].

Если обратиться к истории, то вышеперечисленным критериям, например, в Европе соответствовала ситуация с латинским языком, использовавшимся в качестве Н-варианта наряду с дочерними языками (итальянским, французским, испанским), развившимися из более просторечных форм. Различие в произношении между вариантами языка варьировалось в зависимости от локации проживания, а наибольшие отличия проявлялись в области грамматики, поскольку грамматические структуры языка Н морфологически были и остаются по сей день наиболее сложными.

С точки зрения лексического состава оба варианта языка практически одинаковы, но Н-вариант используется в более формальных доменах, включая в себя большое количество формализованных и технических терминов, например *conversation* или *psychometric*, в то время как вариант L оперирует более простыми словами для обозначения предметов повседневного применения (*saucepan*, *shoe*). Английский язык дает в этом отношении широкий выбор, например, между такими словами, как *perused* и *read*, между выражениями *having finally dispatched the missive* и *when I have posted the letter at last*. Слова (выражения) Н-варианта вполне допустимы в письменной речи, однако будут выглядеть неуместными в повседневном вербальном общении, а использование словарного состава L-варианта может оказаться весьма странным в формальной письменной коммуникации, свидетельствуя о недостаточной образованности адресанта. Дж. Холмс предлагает следующую схему использования Н- и L-вариантов английского языка (табл.).

Использование английского языка в зависимости от применения в различных социальных доменах

Домен	Н-вариант	L-вариант
Религия (проповеди, молитвы)	Н	
Литература (романы, публицистическая литература)	Н	
Газеты (редакторские статьи)	Н	
Радио и телевидение (новостной блок)	Н	
Радио и телевидение (интерактивные программы)		L
Образование (письменные материалы, лекции)	Н	
Образование (обсуждения на занятиях)		L
Совершение покупок		L
Повседневные разговоры (сплетни)		L

Источник: [11, p. 48].

Отношение носителей языка к двум его вариантам достаточно сложное, поскольку большинство восхищается высоким вариантом языка (даже если не всегда в состоянии адекватно понять то или иное высказывание), что связано с высоким статусом языка, его престижностью и кодификацией в стандартных грамматиках и словарях. Несмотря на такое отношение, всегда можно найти тех, кто рассматривает L-вариант как лучший, позволяющий выражать реальные чувства. Как правило, диглоссия рассматривается в контексте того или иного сообщества, а не на индивидуальном уровне. Однако носители языка в диглоссном сообществе могут быть билингвами, и в таком случае представляется корректным описывать диглоссию как социетальный (институциональный) билингвизм, так как возникает потребность в использовании двух вариантов для охвата всех социальных доменов сообщества. Но в одних сообществах наличествует лишь небольшое количество билингвов, а в других они составляют большинство населения. Поэтому взаимоотношения между диглоссией и билингвизмом, согласно Дж. Фишману [7, p. 360], следует рассматривать в следующих контекстах:

- диглоссия и билингвизм;
- билингвизм без диглоссии;
- диглоссия без билингвизма;
- отсутствие как диглоссии, так и билингвизма.

Многие англоговорящие страны вполне вписываются в вышеприведенную схему, так как индивиды могут быть билингвами в Австралии, США, Новой Зеландии, но их два языка не используются всем сообществом в различных доменах.

Термин *домен*, согласно Дж. Фишману, относится к вероятному набору социальных ситуаций. При этом социальные ситуации выходят за рамки просто ситуаций, представляя кластер определенных ценностей. Поэтому рассматривать речь следует как «распадающуюся» на различные домены. Дж. Фишман предлагает рассматривать в первую очередь такие домены, как *семья, религия, образование и работа* [6].

По мнению К. Майерс-Скоттон, в рамках определенного социального домена (обозначаемого как X, будь то семья, работа, образование или иная устойчивая сфера общения) далеко не все коммуникативные ситуации полностью тождественны. Однако большинство взаимодействий в конкретном домене можно считать частично сходными, поскольку их общность заключается в воспроизведении устоявшихся, социально закрепленных комбинаций языковых и поведенческих элементов, характерных именно для этого домена. При этом каждый домен обладает своей собственной констелляцией ожидаемых факторов, к которым относятся *локация, тема и участники*. В качестве примера К. Майерс-Скоттон приводит домен *образование*, где ожидаемая интеракция включает учителя и обучаемых (участников), школу, находящуюся в определенной географической локации, а также конкретную тему, обсуждаемую в рамках учебного занятия, например как писать сочинение или как решить математическую задачу [13, p. 77].

Изначально диглоссия рассматривалась в узком контексте, но постепенно представления о ней расширились, и она стала пониматься более

широко — как комплементарность функций двух вариантов (кодов) в сообществе, охватывающая любую ситуацию, где два языка используются для различных функций, особенно если один язык используется для Н-функций, а другой — для L-функций. Однако несмотря на то, что Н-вариант в течение столетий развивался как престижный стандартный вариант языка с соответствующей кодификацией в грамматиках и словарях, а также использовался в письменной литературе, L-варианты могут находить реализацию в многочисленных формах устного творчества и постепенно кодифицироваться и стандартизироваться [17].

Как правило, диглоссия рассматривается как достаточно стабильная ситуация, так как два языка вполне могут сосуществовать длительное время, как, например, в арабских странах. Но постепенно один из вариантов языка может заменить другой, что произошло с латинским языком в Европе, где он постепенно утратил свое престижное использование в качестве Н-варианта. Что касается английского языка, то в широком смысле понимания диглоссии он представлял собой L-вариант после 1066 г., когда норманны установили свое политическое господство на большей части Англии. Это привело к тому, что французский язык стал языком королевского двора, административных органов и судебной системы, а английский язык стал языком местного трудового люда. Нижеприведенные слова ярко демонстрируют сложившуюся в период норманнского правления ситуацию [11, p. 33]:

English (до норманнского завоевания)	French	English (после норманнского завоевания)
ox	boeuf	beef
sheep	mouton	mutton
calf	veau	veal
pig	pore	pork

Как видно из примеров, приведенных Дж. Холмс, слова видоизменяются в зависимости от социального домена. Так, простонародное английское слово *calf* начинает заменяться в высокопоставленных аристократических доменах на французское *veau*, то есть английские слова используются только в социальном домене простолюдинов. Однако с изменением в течение XIV в. социокультурной ситуации английский язык постепенно начинает превалировать над французским, как бы «поглощающая» ранее применявшиеся французские слова в качестве Н-варианта (*beef, mutton, veal, pork* и др.). Преобладание представителей английской нации в правительственных кругах приводит к тому, что социальные домены, в которых использование французского языка является уместным, практически исчезают.

По мнению Дж. Холмс, термин «диглоссия» применим для описания комплементарности использования кода во всех сообществах, поскольку во всех речевых сообществах в формальных контекстах (например, религиозные и судебные церемонии) люди используют иные варианты или коды, нежели в обычных повседневных ситуациях [11]. В мультилингвальных ситуациях выбираемые коды, как правило, представляют

четко определенные языки, например английский и хинди в Индии, в то время как в монолингвальных в основе своей сообществах (Британия, Новая Зеландия) противостоящие друг другу коды представляют собой различные коды одного и того же языка. Тем не менее разговорный язык маори в Новой Зеландии, используемый местным населением для коммуникации в дружеском кругу, в семье, в локальных магазинах, в начале XX в. описывался как вариант L. Однако в этих сообществах также использовались два варианта H — формальный вариант языка маори для церемониальных традиционных целей и английский язык, ставший языком образования, правительственных органов, судов и всех официальных транзакций с пакеха — новозеландцами, не принадлежавшими по своему происхождению к коренному населению. Следовательно, если рассматривать понятие диглоссии с учетом различных контекстуальных вариантов, в которых используются четкие отличительные языки, то подобные ситуации следует описывать скорее как полиглоссные, а не просто диглоссные [1].

Полиглоссия представляется наиболее приемлемым понятием в условиях, при которых более двух отдельных кодов (вариантов) используются для четко определяемых целей или же в четко различаемых ситуациях. В качестве примера полиглоссии можно привести языковую ситуацию в Сингапуре, где большей частью проживают три этнические группы: китайцы, малазийцы и индусы, говорящие по крайней мере на пяти мажоритарных и трех миноритарных языках. После получения независимости в 1965 г. правительство законодательно определило использование четырех официальных языков — мандаринского китайского, малазийского и тамильского как представляющих три главные этнические группы, оставив также английский из-за его значимости в качестве международного языка и как дань территориальной истории. Национальным языком тем не менее признавался малазийский, используемый как язык церемониальный, а английский сохранил свое значение в качестве языка администрации. Экономическая ценность английского языка стала вполне очевидной во второй половине XX в., когда три четверти населения, относящегося к высокостатусным группам и к обеспеченному в материальном плане среднему классу, владели английским языком, связывая знание английского языка с успешной профессиональной карьерой.

Введение правительством билингвальной политики в области образования способствовало распространению и укреплению статусности английского языка при одновременном снижении использования этнических языков в образовательных учреждениях, прежде всего в средних общеобразовательных школах, где до этого обучение велось преимущественно на тамильском, китайском и малазийском языках. Результатом данных трансформаций стало то, что английский язык стал средством общения не только в школах, но и во многих домохозяйствах. Однако увеличение количества индивидов, использующих в качестве основного языка общения английский, не означало того, что используется стандартный английский язык. Предпочтение стало отдаваться сингапурскому варианту английского языка. Как полагает А. Гупта, речевой

континуум сингапурского варианта английского языка может быть сопоставим с посткреольским континуумом на Ямайке или в Гвинее, где существует широкий языковой спектр, начиная от самого низкого варианта, базилекта, до мезолекта и варианта Н — небританского акролекта, который может существенно отличаться от стандартного английского языка [10].

Ряд ученых для анализа диглоссии в Сингапуре использует модель «расширяющегося треугольника», предложенную А. Пакир [14]. Суть данной модели заключается в том, что наиболее образованные люди обладают самым большим «треугольником», в то время как менее образованные имеют намного меньший диапазон стилистических регистров, что затрудняет модификацию речи в условиях формальной коммуникации. Использование данной модели также предполагает необходимость принимать во внимание такие характеристики, как возраст, гендер и этническое происхождение.

Основные девиации сингапурского английского от стандартного варианта английского языка проявляются на уровнях грамматики, синтаксических структур, вокабуляра и произношения, что показывают следующие примеры [2; 4]:

- китайское влияние: *give me a coffee — a no milk one*;
- малазийское влияние: *you wait here, I will go and come*;
- диалектные слова — *chop (stamp)*;
- частицы — *la (h)*, заимствованные из местного южнокитайского диалекта Hokkien (хоккиен) и передающие эмоции: *Yes, la. Cannot lah*;
- различие в гласных: *quiet (тихий)* произносится как *quite (действительно, вполне)*;
- различие в согласных: *youth (молодежь)* произносится как *суц. use (использование, применение)*.

В настоящее время в Сингапуре активно используется как Н-вариант мандаринского (стандартный вариант китайского языка), так и сингапурский английский (Singlish). В то же время существуют несколько различных L-вариантов. Так, мандаринский используется в качестве Н-варианта наряду с по крайней мере двумя L-вариантами — хоккинским и кантонским. При этом неформальный сингапурский английский является L-вариантом, а формальный вариант того же языка рассматривается как Н-вариант. Таким образом, в сингапурском языковом сообществе сосуществуют два Н-варианта и несколько L-вариантов, используемых в различных социальных доменах [11, p. 32]. А. Гупта предлагает рассматривать сингапурский английский как имеющий два различных варианта: сингапурский стандартный английский (SSE) и сингапурский разговорный английский (SCE), подчеркивая, что, чем раньше происходит овладение данными вариантами, тем быстрее возможно переключение кода в зависимости от социальной ситуации и социального окружения [9]. Однако прилагаемые варианты не являются абсолютно «чистыми», поскольку вполне вероятно, что носители языка с недостаточным образованием используют Н-вариант, который балансирует между SSE

и SCE. К тому же некоторые члены сообщества вообще не используют L-вариант, что наиболее характерно для представителей старшей возрастной группы.

По мнению ряда ученых, такая языковая ситуация в Сингапуре заставляет задуматься о ряде проблем, которые обобщены А. Пакир:

– теоретические и практические проблемы определения, можно ли считать сингапурский английский новым вариантом английского языка;

– какие стандарты и нормы можно считать приемлемыми;

– какое отношение формируется у местного населения по отношению к стандартному английскому;

– какая норма английского языка должна использоваться;

– кто должен устанавливать нормы и стандарты [15].

Неразрешенность данных вопросов приводит к возникновению ряда социокультурных и социолингвистических проблем, поскольку, как отмечал Э. Сепир, язык представляет собой мощнейшую силу социализации, будучи символом социальной солидарности для тех, кто говорит на том или ином языке [16]. Эти проблемы существенно затрагивают область образования, так как многие молодые люди используют сингапурский английский как основное средство общения. Исследование, проведенное среди сингапурской молодежи, обучающейся в университетах, показало, что 68 % респондентов позитивно относятся к сингапурскому английскому, полагая, что его использование «дает им уникальное чувство идентичности как сингапурцев» и что распространение и использование сингапурского английского следует поощрять и поддерживать. При этом они отмечают, что, используя сингапурский английский, также владеют и стандартным вариантом английского языка, но частицы *la* и *lah* позволяют им лучше «выражать себя» [12, p. 42].

Таким образом, можно прийти к выводу, что сингапурский английский (Singlish), безусловно, является значимой силой, объединяющей в этнические и социально-экономические группы как хорошо образованные, так и менее образованные слои населения. Сингапурский английский становится выразителем культурной идентичности, несмотря на то что его использование ограничено особыми социальными доменами и определенными целями. Ситуация диглоссии выносит на повестку дня вопрос о том, насколько востребованным оказывается стандартный вариант английского языка и его использование в качестве основного средства коммуникации в различных социальных доменах.

Список литературы

1. Bell A. Maori and Pakeha English: a case study // New Zealand English. Wellington, 2000. P. 221 – 248.
2. Bolton K. Chinese Englishes: A Sociolinguistic History. Cambridge, 2006.
3. Deterding D. Approaches to Diglossia in the Classroom: The Middle Way // React. 1998. №2. P. 18 – 23.
4. Deterding D. Singapore English (Dialects of English). Edinburgh, 2007.

5. Faido S., Hilman H., Junaidi M.P. Diglossia: phenomenon and language theory // *European Journal of Literature, Language and Linguistics Studies*. 2019. №3 (2). P. 58 – 65.
6. Ferguson C.A. *Language Development. Sociolinguistics Perspectives: Papers on Language in Society, 1959 – 1994*. N. Y., 1996.
7. Fishman J. Bilingualism with and without Diglossia: Diglossia with and without Bilingualism // *Sociolinguistics: The Essential Readings*. Blackwell, 2003.
8. Fishman J.A., Cooper R.L., Ma R. *Bilingualism in the Barrio*. Bloomington, 1971.
9. Gupta A. Framework for the analysis of Singapore English // *Language, Society and Education in Singapore: Issues and Trends*. Singapore, 1998. P. 32 – 45.
10. Gupta A. The pragmatic particles of Singapore Colloquial English // *Journal of Pragmatics*. 1992. №18 (1). P. 31 – 57.
11. Holmes J. *An Introduction to Sociolinguistics*. Pearson Longman, 2008.
12. Lee-Wong Song Mei. The Polemics of Singlish // *English Today*. 2001. Vol. 17, №1. P. 39 – 46.
13. Myers-Scotton C. *Multiple Voices: an introduction to bilingualism*. Blackwell Publishing Ltd., 2006.
14. Pakir A. The range and depth of English-knowing bilinguals in Singapore // *World Englishes*. 1991. №10 (2). P. 167 – 179.
15. Pakir A. English in Singapore: the codification of competing norms // *Language, Society and Education in Singapore: Issues and Trends* / ed. by S. Gopinathan [et al.]. Singapore, 1998.
16. Sapir E. *Language* // *Language, Culture and Society*. Cambridge, 1974.
17. Whitney P. *The Psychology of Language*. Boston, 1998.
18. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. *Социоллингвистика и социология языка*. СПб., 2004.
19. Заключенная Е. О. Билингвизм и диглоссия в современной языковой ситуации в Китае // *Современные востоковедческие исследования*. 2022. №4 (4). С. 7 – 19.

Об авторах

Елена Юрьевна Литвиненко — д-р социол. наук, проф., Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, Россия.

E-mail: denis.rimma@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8013-4882

SPIN-код: 1129-4104

Анастасия Анатольевна Коренева — канд. социол. наук, доц., Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, Россия.

E-mail: nastayakor@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9827-412X

SPIN-код: 3856-3787

E. Yu. Litvinenko, A. A. Koreneva

ENGLISH LANGUAGE IN THE CONTEXT
OF DIGLOSSIA IN THE MODERN WORLD

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Received 26 November 2024

Accepted 25 May 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-3-1

14

To cite this article: Litvinenko E. Yu., Koreneva A. A., 2025, English language in the context of diglossia in the modern world, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 5–14. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-3-1.

The article examines the transformation of the concept of diglossia from the moment of its introduction by C. Ferguson to denote a stable language situation to the comprehension of the phenomenon of polyglossia, which is characteristic of many countries in the modern world. It is noted that code-switching between the H-variety and the L-variety may occur in any social domain, the most significant of which are family, religion, education, and work. The basis for the analysis of diglossia is the theory developed by C. Ferguson and further elaborated in the works of his followers, such as J. Fishman, J. Holmes, D. Deterding, K. Myers-Scotton, A. Pakir, and others. The relationships between diglossia and bilingualism are demonstrated, manifesting in such language situations as the presence of both diglossia and bilingualism, bilingualism without diglossia, diglossia without bilingualism, and the absence of both diglossia and bilingualism. As an example of diglossia in the modern world, the article considers the language situation of the use of English in Singapore, where the speech continuum of the Singaporean variety of English includes the basilect (as the lowest variety), the mesolect, and the H-variety – a non-British acrolect significantly different from Standard English, which creates certain linguistic and sociocultural problems in Singaporean society. The study of diglossia is relevant in the training of specialists for work in those countries where a diglossic (polyglossic) situation influences the establishment of intercultural dialogue and economic business contacts.

Keywords: diglossia, polyglossia, L-variant, H-variant, social domain, language functions, bilingualism, code-switching, formal contexts, informal contexts, language situation

The authors

Prof. Elena Yu. Litvinenko, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Russia.

E-mail: denis.rimma@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8013-4882

SPIN code: 1129-4104

Dr Anastasia A. Koreneva, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Russia.

E-mail: nastayakor@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9827-412X

SPIN code: 3856-3787